

М.Е. КАРЯГИН*

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ ГОЛОСОВАНИЯ ПАРЛАМЕНТАРИЕВ: ЧТО ОТКРЫТЫЕ ДАННЫЕ ГОВОРЯТ О РАБОТЕ ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ?

Аннотация. Статья посвящена изучению специфики функционирования Государственной думы в разрезе индивидуальных стратегий парламентариев. Изучены результаты поименных голосований депутатов по каждому вопросу за период с 2018 по 2022 г. с использованием открытых данных Госдумы.

Открытые государственные данные – элемент информационной политики государства, который позволяет лучше проанализировать существенные аспекты функционирования госаппарата. Внедрение такой инновации в России пришлось на период 2014–2016 гг., после чего наметился отток интереса к теме информационной открытости и даже закрытие части ранее опубликованных наборов данных.

Тем не менее отдельные части данного трансфера продолжают функционировать, несмотря на общие парадигмальные изменения. Так, открытые данные Госдумы позволяют нам проанализировать, как работает нижняя палата парламента, как голосует каждый депутат, что влияет на процесс принятия решений и как на работу парламента влияют разные факторы, например пандемия коронавируса, внешние санкции и др.

Основная задача исследования заключается в ответе на вопрос, почему парламентарии так часто пропускают голосования, зачастую присутствуя на пленарных заседаниях. По изначальной гипотезе автора подобное явление объясняется индивидуальными стратегиями парламентариев как рациональных акторов, которые видят в бездействии серую зону безопасности, способную помочь избавиться от подозрений в проявлении нелояльности, нарушении партийных уставов

---

* **Карягин Михаил Евгеньевич**, эксперт, Центр политической конъюнктуры (Москва, Россия), e-mail: karyaginm@gmail.com

или регламентов. Это подтверждают как сами результаты голосования, так и косвенные аспекты функционирования Госдумы.

Второй важной задачей работы является демонстрация ресурса открытых государственных данных, которые могут успешно применяться исследователями в своих работах, а также фиксация потенциала открытых данных Госдумы для будущих исследовательских работ в этой области.

Ключевые слова: Государственная дума; депутаты; открытые данные; индивидуальные стратегии парламентариев; пандемия коронавируса.

Для цитирования: Карягин М.Е. Индивидуальные стратегии голосования парламентариев: что открытые данные говорят о работе депутатов Государственной думы? // Политическая наука. – 2023. – № 1. – С. 303–321. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.01.13>

Значимое место в литературе, посвященной функционированию парламентов, занимает изучение «электоральных законов», доказывающих связь между типом парламентской избирательной системы и количеством партий, которые в ней функционируют. Согласно «закону Дюверже», мажоритарная избирательная система способствует образованию двухпартийной системы, а выводимая затем «гипотеза Дюверже» дает основания полагать, что пропорциональное представительство обеспечивает многопартийность [Duverger, 1952].

Последующая дискуссия о функционировании парламентов во многом основана на работах Дюверже. Постепенно «электоральные законы» дополнялись новыми наблюдениями, доказывающими политические последствия таких парламентских особенностей, как вид избирательного бюллетеня, количество мест в парламенте, доступ избирателей и кандидатов к избирательному и политическому процессам [Lijphart, 1990, p. 482]. Часть академической среды расширяла классификацию избирательных систем, взятых за основу в теории Дюверже, за рамки мажоритарного и пропорционального устройств [Blais, 1988, p. 103–107].

Тем не менее изучение работы и устройства законодательной власти во многом изучалось в рамках институционального подхода. Основной акцент парламентских исследований был сделан на институциональных условиях, обеспечивающих то или иное состояние парламента и политической системы. Критикуя этот подход, Уильям Райкер утверждал, что эмпирические отклонения от «закона Дюверже» объясняются моделью рационального выбора. В частности, Райкер, объясняя различия в политическом

устройстве в условиях казалось бы схожих избирательных систем, учитывает не только институциональные особенности, но и поведение партийных лидеров и избирателей как рациональных акторов [Riker, 1982, p. 761]. Тем не менее поведение депутатов на фоне «электоральных законов» оставалось малоизученным.

Несмотря на продолжение изучения «электоральных законов», исследования функционирования законодательной власти сегодня находятся вне рамок избирательного процесса. В частности, это касается исследований законодательной и исполнительной властей в сравнительной перспективе. Основной исследовательский вопрос – как различное распределение власти среди «ветвей» способствует формированию парламентской или, наоборот, президентской системы. Анализ депутатской активности в этой сфере представлен через призму неоинституциональной парадигмы, объясняющей, как комбинация институтов законодательной власти определяет возможности и, тем самым, поведение представителей парламента [Shugart, 2008, p. 3].

Повышение интереса к изучению депутатской активности произошло не только благодаря выходу за рамки «электоральных законов» и обращению к неоинституциональному подходу, но и в силу использования новых источников данных, позволяющих действовать в «законодательных исследованиях» современные методы анализа. Например, для предоставления выводов о работе парламента на основе парламентских вопросов, дебатов, обсуждений и законопроектов используется *автоматизированный текстовый анализ*, присутствие депутатов в *медиапространстве* позволяет выявлять паттерны поведения, транслируемые ими в сети, а *сетевой анализ* дает представление о связях внутри парламента [Crewe, Taylor-Robinson, Martin, 2022; Помигуев, Фомин, Мальцев, 2021].

Литература в сфере «парламентских исследований» имеет два существенных ограничения. Во-первых, до недавнего времени в выборки для исследований преимущественно попадали страны Европы или Северной Америки [Krol, 2017, p. 451]. Во-вторых, в силу этого фокус был сделан в большей степени на устройство парламента в демократических условиях. Таким образом, законодательные органы и особенности их функционирования в авторитарных странах оставались вне поля зрения академического сообщества. Тем не менее сегодня количество работ о парламентах,

во-первых, в странах за пределами Европы и Северной Америки и, во-вторых, в авторитарных режимах, растет – в том числе это касается изучения Государственной думы в России.

Отечественные авторы, в свою очередь, как и в случае изучения «электоральных законов», делают акцент на парламенте преимущественно в контексте избирательного процесса. К примеру, одна из проблем Государственной думы, интересующих общество, – представительная функция парламента. Повышение эффективности представительства предполагается осуществлять через развитие избирательного процесса: восстановление одномандатных округов, модернизацию пропорциональной системы, введение преференциального голосования [Грудинин, 2013, с. 120–121].

Проблема представительства также обсуждается на фоне институционального кризиса парламентской системы в России. Кризис выражен в недоверии граждан к институтам законодательной власти; более высокий уровень представительства – один из запросов населения [Петухов, 2016, с. 23]. Представительство, согласно результатам опросов граждан, должно обеспечиваться кадровым обновлением состава депутатов с учетом профессиональных компетенций новых кандидатов; более того, особое значение в контексте ротации кадров уделяется возвращению смешанной системы выборов и укреплению демократических институтов [Петухов, 2016, с. 23–27].

Как и в случае исследований в сфере «электоральных законов», российские авторы 1) в большей степени заинтересованы в парламенте с точки зрения хода и реализации парламентского избирательного процесса; 2) придерживаются институционального подхода. Поведение депутатов и влияние на него существующих институтов мало отражено в работах российских ученых. В отличие от «электоральных законов» отечественные авторы опускают политические последствия в виде, например, формирования той или иной партийной системы, в зависимости от избирательного законодательства. Изменения в системе парламентских выборов значимы лишь с точки зрения необходимости удовлетворения запроса со стороны населения на более эффективное представительство.

Другой аспект изучения Государственной думы и, в частности, парламентских выборов – деятельность партий в ходе избира-

тельного процесса и работы парламента. Основные темы, которые затрагивают российские исследователи, это: 1) внутривпартийная конкуренция на примере праймериз «Единой России» в 2016 г. [Мейер, 2016, с. 31]; 2) распределение мест среди системной оппозиции и потенциальная динамика партийной системы [Ежов, 2021, с. 93]; 3) установление «Единой Россией» монополии на власть в парламенте [Нисневич, 2007, с. 133]. В большинстве своем литература по теме партийного спектра имеет слабое эмпирическое обоснование, основываясь преимущественно на рассуждениях авторов.

При этом существующие работы по теме функционирования Госдумы фокусируются в основном на анализе партийных институтов [Коргунюк, 2018], месте самого парламента в структуре принятия политических и государственных решений [Помигуев, 2016] или же анализе профессионального бэкграунда парламентариев [Кынев, 2017]. Индивидуальные стратегии парламентариев, как правило, остаются за рамками исследовательского интереса авторов.

Для западных исследований Государственной думы характерно изучение российского парламента как примера законодательного органа власти, функционирующего в условиях авторитарного режима. Ключевой в контексте подобных исследований становится проблема лояльности депутатов к руководству и то, чем она обеспечивается. Согласно работам Крола, власть поддерживает лояльность элит путем предоставления им более широкого спектра возможностей для реализации законодательских инициатив, что объясняет высокий уровень парламентской активности [Krol, 2017, p. 466].

Помимо делегирования власти лоялистам, активная законодательная деятельность объясняется институциональной дифференциацией (осуществляемой через организацию особых мест в парламенте, зарезервированных для лояльных депутатов) и ограниченным присутствием оппозиции, что позволяет элитам реализовывать свои интересы беспрепятственно [Krol, 2020, p. 262–263]. Тем не менее предоставление законодательской власти в обмен на лояльность преимущественно касается отношений власти с представителями доминирующей партии – «Единой России» [Krol, 2017, p. 466; Reuter, Turovsky, 2014, p. 664]. Для устройства последней также характерны специфические институциональные ме-

ханизмы, позволяющие лояльным представителям партии не только получать поддержку законотворческих инициатив, но и пользоваться дополнительными возможностями «карьерного роста» [Reuter, Turovsky, 2014, p. 672].

Западные авторы склонны к изучению Государственной думы в неоинституциональной перспективе, с меньшим, в отличие от российских исследователей, вниманием к выборам, но с более явным акцентом на 1) поведении депутатов и 2) институтах, формирующих «правила игры» для представителей парламента и, соответственно, определяющих это поведение.

Несмотря на значимую роль анализа стратегического поведения акторов, парламентские выборы в России также фигурируют в западных исследованиях. Кейс Государственной думы интересен сообществу в контексте работы «электоральных законов» в авторитарных странах. Использование пропорциональной избирательной системы на выборах, например, рассматривается как инструмент властей для снижения уровня влияния «независимо мыслящих» депутатов, представляющих конкретные территории [Moraski, 2013, p. 32]. Также парламентские выборы сами по себе и, в частности, смешанная избирательная система, предшествующая введению пропорциональной в 2007 г., давали представителям значимых экономических отраслей дополнительные возможности для вхождения в законодательный орган страны с целью лоббирования своих интересов и трансформации экономической власти в политическую [Chaisty, 2013, p. 718, 726].

В целом выводы западных исследователей об особенностях Государственной думы распространяются на объяснение работы парламентских систем в авторитарных условиях. В частности, кейс российского парламента, во-первых, опровергает предположения о «фиктивной» функции («rubber stamp»¹) законодательных органов в авторитарных странах [Krol, 2017, p. 453], во-вторых, демонстрирует использование парламента как инструмента обеспечения лояльности элит. Схожие результаты показывают исследования парламента Чили, Филиппин, Уганды: законодательные органы

---

¹ Дословный пер. с англ. – «штампование законов». В российских СМИ можно встретить близкий по смыслу термин – «бешеный принтер», подчеркивающий быстроту принятия законодательных решений, инициаторами которых выступают президент или правительство. – *Прим. ред.*

действительно обладают властью и независимо формулируют политические решения, но, впрочем, это происходит при условии существующих разногласий среди элит – в противном случае парламент играет «фиктивную» роль [Gandhi, Noble, Svolik, 2020, p. 1372].

Следуя этой логике, высокий уровень активности парламента не коррелирует с аргументом в пользу его «не фиктивной», реальной власти. Например, последние исследования Национального народного конгресса, законодательного органа в Китае, демонстрируют то, как разногласия внутри правящей коалиции способствуют снижению парламентской активности, образованию своего рода «авторитарной пробки» [Tguch, 2020, p. 1459]. Таким образом, высокие количественные показатели парламентской деятельности не могут в достаточной степени представлять из себя аргумент против фиктивного статуса Государственной думы, которым пользуется Г. Крол [Krol, 2017, p. 453]. Наоборот, это скорее свидетельствует об отсутствии противоречий внутри правящей коалиции и, соответственно, слабой власти парламента. Учитывая авторитарную стратегию, предполагающую делегирование власти депутатам в обмен на лояльность, остается вопрос о том, как депутаты этой властью пользуются.

Парламентарии, очевидно, являются, с одной стороны, самостоятельными рациональными игроками, которые реализуют собственные стратегии, а с другой – членами фракций (почти все), интересы которых могут в определенные моменты вступать в конфронтацию с личными стратегиями депутатов. Случаи, когда парламентарий идет против решения фракции, всегда становятся резонансными.

Так, в седьмом созыве депутат от «Единой России» Н. Поклонская, проголосовавшая против законопроекта о повышении пенсионного возраста во время его рассмотрения в первом чтении, лишилась поста руководителя Комиссии по контролю за сведениями о доходах депутатов¹ и рисковала потерять место в Госдуме². В восьмом созыве депутат от «Единой России»

---

¹ Поклонскую лишили поста председателя комиссии в Госдуме // Газета. ру. – 2018. – 17 сентября. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/politics/news/2018/09/17/n_12047353.shtml (дата посещения: 01.12.2022).

² В законодательстве возможность применения императивного мандата не закреплена, поэтому депутата невозможно лишить мандата каким-либо иным

Е. Марченко был исключен из партии¹ за то, что проголосовал отдельно от консолидированного решения фракции по вопросам федерального бюджета.

Данные кейсы демонстрируют незначительный набор индивидуальных стратегий поведения для депутатов. В случае, если они не согласны с решением своей фракции, наиболее безопасная стратегия – это *бездействие*.

Рыночный, или демократический формат отношений, предполагающий конкурентные основания функционирования организации, открывают для рационального актора три наиболее вероятные линии поведения: *выход, голос, верность* [Хиршман, 2010, с. 85]. При этом Хиршман подчеркивает, что для политических организаций, выход из которых является затруднительным, а добровольное сложение полномочий депутата можно считать таковым в виду значительных транзакционных издержек, наиболее вероятными стратегиями поведения актора будут *голос* и *верность*. Однако, как показывают примеры выше, стратегия *голос* может также нести серьезные риски для парламентариев. Из предложенного набора опций остается *верность* организации. Однако в случаях, когда для депутата по определенным причинам невозможна активная демонстрация верности, на помощь приходит серая зона *бездействия*, что продемонстрировал анализ открытых данных Госдумы.

Использование открытых данных для анализа законодательного процесса

Открытые данные – это относительно новое явление, которое мы связываем с технологическим прогрессом. Естественно, что в силу своей новизны феномен не обладает устоявшимся и единственно верным определением.

Как отмечает С. Чигнар, сам термин «открытые данные» впервые появился в 1995 г. в документе американского научного агентства: «Речь шла о раскрытии геофизических и данных о со-

---

образом, кроме как по результатам следующих выборов, по собственному желанию или в случае смерти. – *Прим. ред.*

¹Евгения Марченко исключили из «Единой России» // ТАСС. – 2021. – 2 ноября. – Режим доступа <https://tass.ru/politika/12828741> (дата посещения: 1.12.2022).

стоянии окружающей среды. Наша атмосфера, океаны и биосфера формируют интегрированное целое, которое превышает границы. Они способствуют полному и открытому обмену научной информацией между разными странами, предпосылкой для анализа и понимания этих глобальных явлений»¹.

С. Чигнард также делает оговорку, что сама идея о благоприятном воздействии открытости информации была обоснована социологом Мертоном, который в 1942 г. доказал важность открытости результатов исследования для научного сообщества. Впоследствии Мертон конвертирует этот постулат в один из принципов научного знания – принцип коллективного знания. Согласно этому принципу, научное знание и открытия отдельных исследователей должны принадлежать всему научному сообществу.

Соответственно, в современном мире феномен открытых данных сочетает в себе две составляющие. С одной стороны, это идея о том, что любая общественно значимая информация должна быть открытой и доступной для всех членов общества. С другой стороны, что она должна быть доступна в обработанном и машиночитаемом формате, чтобы ее можно было быстро анализировать или создавать на ее основе какие-либо сервисы.

В целом в западном дискурсе установлен консенсус о важности открытости и доступности государственных данных для представителей социогуманитарных направлений [Wessels et al., 2017, p. 152]. Тем не менее вопрос открытости данных для исследователей в российском дискурсе остается неразрешенным.

Примечательно, что законодательные органы власти федерального и регионального уровней по закону не были обязаны создавать и публиковать информацию в формате открытых данных. Отчасти этим и объясняется тот факт, что исследователи открытых данных в России фокусировались на органах исполнительной власти [Kabanov, Karyagin, Romanov, 2017, p. 463; Fuks, Kabanov 2020, 119].

Однако именно ОД Госдумы оказались наиболее полезными для аналитиков. API² нижней палаты парламента содержит не

---

¹ Chignard S. A brief history of Open Data // ParisTech Review. – 2013. – Mode of access: <https://www.paristechreview.com/2013/03/29/brief-history-open-data/> (accessed: 30.11.2022).

² Application Programming Interface – инструмент, позволяющий формировать запросы к базе данных Госдумы и получать на них валидные ответы с необходимыми данными.

только статичную информацию, которая, как правило, не обновляется в течение работы всего созыва (список отраслей законодательства, список комитетов, список региональных органов власти и др.), но также и постоянно обновляемые данные, обладающие высокой ценностью для исследователей (стенограммы пленарных заседаний Госдумы, сведения о результатах поименного голосования и др.). Эти сведения позволяют понять, как депутаты посещают пленарные заседания, какие вопросы на них рассматриваются, сколько времени ушло на обсуждение тех или иных инициатив, как именно голосуют парламентарии по различным вопросам.

Период 2018–2022 гг. выбран для того, чтобы проанализировать работу депутатов в разных фазах функционирования парламента. Известно, что первые сессии работы парламента являются во многом установочными: формируются комитеты, аппарат помощников, новые депутаты осваиваются с регламентом работы Госдумы и институциональными особенностями. Специфика же работы уходящего состава заключается в активизации и «закрытии долгов» перед финальной сессией. Чтобы в рамках нашего анализа захватить все фазы работы нижней палаты парламента, мы проанализировали как начальные (2021–2022), так и заключительные (2018–2021) сессии созывов.

Всего за период 2018–2022 гг. депутаты проголосовали **14 546 раз**. Учитывались абсолютно все голосования по всем видам вопросов: от непосредственно законодательных инициатив до предложений депутатов, голосований по вопросам повестки дня и так далее. Решение анализировать результаты всех голосований было принято по причине того, что вопросы, которые пусть напрямую и не связаны с процессом законотворчества (голосования по законопроектам), непосредственно влияют на него.

Результаты анализа

Анализ результатов поименного голосования позволяет рассмотреть, как каждый депутат в отдельности голосует по тем или иным вопросам, а также выявить закономерности в индивидуальных стратегиях парламентариев.

С формальной точки зрения количество потенциальных стратегий ограничено тремя опциями. «При голосовании по каж-

дому вопросу депутат Государственной думы имеет **один голос** и подает его **за** принятие решения или **против** него, либо **воздерживается** от принятия решения», – гласит п. 1 ст. 85 Регламента Государственной думы¹.

Предварительная гипотеза заключалась в том, что в силу общей лояльности парламента превалировать будут голоса «за» принятие тех или иных законопроектов, на втором месте по частотности будут голоса «против», во многом за счет активности оппозиционных партий, затем «воздержался» – на случай, если депутат или фракция в полном составе не определились по вопросу, вынесенному на голосование.

Однако общие результаты голосований за осеннюю и весеннюю сессию 2018–2019 гг. показали, что депутаты чаще пропускают голосования, чем голосуют «против» или «воздерживаются» от принятия решения. Эта же тенденция сохранялась и в последующие годы.

Таблица

**Общие результаты голосований в Государственной думе
(2018–2022)**

Год	За	Против	Воздержался	Не голосовал
2018–2019	72,74%	0,73%	0,06%	26,47%
2020	63,52%	1,98%	0,29%	34,21%
2021	61,91%	2,37%	0,45%	35,27%
2022	75,88%	1,41%	0,80%	21,91%

Примечательно, что доля пропусков голосований стала ниже четверти только в весеннюю сессию 2022 г.

Регламент не запрещает напрямую, но и не предусматривает возможность депутатам не голосовать по обсуждаемому вопросу. Анализ же результатов голосований за 2018–2022 гг. показывает, что феномен неголосования занимает значительное место в работе парламентариев, а именно – второе место по частотности после голосов за.

Почему депутаты так часто не голосуют по вопросам, выносимым на обсуждение?

---

¹ Регламент Государственной Думы. Принят постановлением Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22 января 1998 года № 2134-П ГД. – Режим доступа: <http://duma.gov.ru/duma/about/regulations/> (дата посещения: 11.11.2022).

Первая и наиболее очевидная причина – **отсутствие в зале заседания / пропуск пленарного заседания**. Однако, как показывают данные о посещении пленарных заседаний, пропуск голосования зачастую не означает физического отсутствия парламентария.

Вторая причина является менее очевидной, однако при этом более технологичной. Депутаты не голосуют по законопроекту, чтобы **не обеспечивать кворум**. Согласно п. 6 ст. 87 Регламента Госдумы, «при отсутствии кворума, необходимого для проведения голосования, председательствующий переносит голосование на следующее заседание»¹. У парламентариев существует довольно много технических возможностей для «отключения законодательных инициатив» [Помигуев, Алексеев, 2021, с. 187], однако в текущем и предыдущем созыве подобной опцией обладает только фракция «Единой России». Таким образом, депутаты могут не выступать очевидно против популистских инициатив оппозиционных партий, чтобы не сталкиваться с репутационными последствиями таких решений. Как отметил один из экспертов в ходе первичной апробации материалов исследований², *коммунисты выносят на голосование нереалистичный, популистский законопроект, без финансового обоснования. Его невозможно принять, но если проголосуешь против, то скажут, что ты, например, против ветеранов, детей-инвалидов и так далее, поэтому лучше не допускать конструктивного обсуждения подобных вбросов.*

Третья причина неголосования заключается в том, что в случае возникновения каких-либо конфликтов это **потенциально наименее опасная индивидуальная стратегия для парламентария**. Отсутствие позиции в публичном поле могут воспринять как скрытое проявление нелояльности, но, как показала практика голосования по пенсионной реформе, в фокусе внимания остаются те, кто в качестве своей стратегии поведения выбрал «выход», а не «бездействие».

---

¹ Регламент Государственной Думы. Принят постановлением Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22 января 1998 года № 2134-П ГД. – Режим доступа: <http://duma.gov.ru/duma/about/regulations/> (дата посещения: 11.11.2022).

² Результаты исследования обсуждались в рамках полуформализованных анонимных интервью с депутатами (действовавшими на тот момент и бывшими), с помощниками депутатов и бывшими сотрудниками аппарата Госдумы. Опрошено 11 экспертов, код эксперта – 8.

Отчасти динамика распределения голосов подтверждает причины, по которым парламентарии пропускают голосования. На 2020–2021 гг. выдался наиболее сложный коронавирусный период. 15 сентября 2020 г. председатель Госдумы В. Володин попросил депутатов преклонного возраста или тех, которые имеют противопоказания, перейти на «удаленку в кабинет», особое внимание в своем обращении он уделил Терешковой и Чилингарову. «Валентина Владимировна, Артур Николаевич и еще ряд наших коллег – просьба выполнить поручение Государственной думы. Вот заслушаете выступления руководителей политических фракций, а потом – в свой кабинет, и оттуда принимайте участие в обсуждении вопросов», – отметил Володин¹. Позже сообщалось, что по состоянию на сентябрь 2022 г. коронавирусом переболели или имели к нему антитела более 50 депутатов². Коронавирус повлиял на долю пропусков голосований, которая увеличилась в 2020 г. с 26,5% до 34,2, а в 2021 – до 35,3%.

Однако снижение числа заболеваний коронавирусом, а также объявление специальной военной операции (далее – СВО) заметно изменило результаты голосований депутатов в рамках весенней сессии 2022 г. Доля голосов «за» увеличилась на 14%, а доля пропусков голосований снизилась на 13,4%.

Обострение внешнеполитической обстановки, введение рядом западных стран санкций против депутатов ГД привело к значительной консолидации нижней палаты парламента. На внутриполитическом рынке пространство для бездействия также сузилось, так как Госдума стала обсуждать гораздо больше законопроекты, обладающие важным политическим значением, а не технические и административные вопросы. Бездействие здесь может быть проинтерпретировано как проявление нелояльности. Например, ряд СМИ обратил внимание³ на то, что не все депутаты,

---

¹ Володин попросил Терешкову и Чилингарова перейти на удаленку «в кабинет» // РБК. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5f60b3569a7947698b870d91> (дата посещения: 01.12.2022).

² Десять депутатов Госдумы попали в больницу из-за коронавируса // РБК. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5f69cc629a794745756cbc93> (дата посещения: 01.12.2022).

³ США ввели санкции против 328 депутатов Госдумы и других физических лиц // Известия. – Режим доступа: <https://iz.ru/1310114/2022-03-24/ssha-vveli-sanktcii-protiv-328-deputatov-gosdumy-i-drugikh-fizicheskikh-litc> (дата посещения: 30.11.2022).

проголосовавшие за обращение к президенту с просьбой признать независимость ДНР и ЛНР, попали в итоговые санкционные списки.

Рост консолидации и общей лояльности парламентариев подтверждается и косвенными данными – абсолютно все фракции в парламенте стали чаще голосовать за:

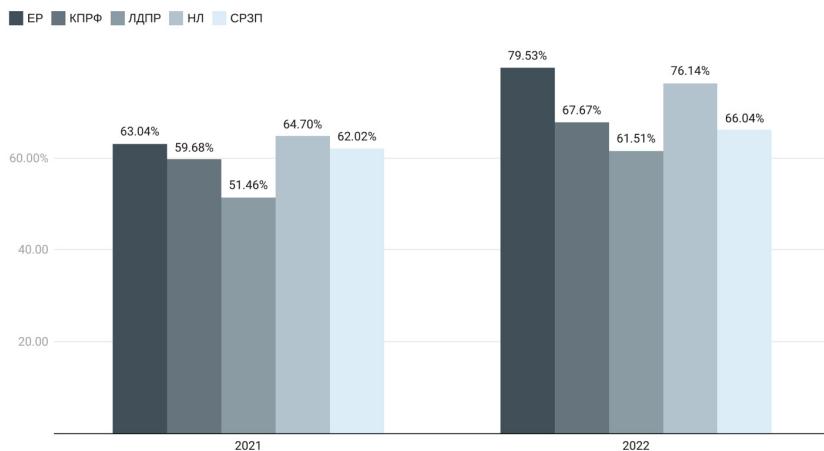

Рис.
**Сравнение доли голосов за в разных фракциях
в 2021 и в 2022 гг.**

Загадкой остается то, как дальнейшая эскалация в рамках СВО и иностранное давление на парламентариев (санкции, общественные призывы и т.д.) отразится на работе актуального созыва Госдумы в будущих сессиях. Вариативность индивидуальных стратегий тем выше, чем меньше персональные риски в случае выступления против решений фракций. Принципиальность тем и законопроектов, по которым будут проводиться голосования, вероятно, будет расти, а значит и уровень консолидированного голосования – тоже.

Заключение

Госдума демонстрирует значимый рост консолидации вследствие спада волны коронавируса и сокращения пространства для маневра из-за обострения ситуации на международной арене.

Делая выборы в индивидуальных стратегиях, парламентарии как рациональные акторы чаще всего выбирают *верность*, нежели *выход*, *голос* или *бездействие*. При этом следует отметить, что бездействие все еще остается эффективной стратегией в принципиальных вопросах. В голосованиях, обладающих значимыми политическими последствиями, у депутатов будет сокращаться набор индивидуальных стратегий в сторону *верности*.

Ситуативный всплеск консолидации должен качественно трансформироваться в ближайшем будущем. Увеличение доли голосов «за» принятие тех или иных законопроектов в весенней сессии 2022 г. пока не стало устойчивым трендом. Эта тенденция должна еще кристаллизироваться в новую сущностную позицию парламентских партий, каждая из которых уже сейчас пытается занять свою собственную нишу в реалиях новой повестки. Консолидированное голосование по ключевым для государства вопросам сохранится, но в повестке работы парламентариев появится больше разнообразных инициатив, нацеленных на демонстрацию самости партии.

Открытые государственные данные продемонстрировали свою эффективность в анализе деятельности органов власти. API Госдумы обладает достаточным функционалом для проведения исследований законодательного процесса. Одним из потенциальных перспективных направлений является анализ стенограмм выступлений депутатов, который демонстрирует качество и интенсивность дискуссий по обсуждаемым в нижней палате парламента вопросам.

Инновационная практика открытых данных может быть распространена на другие ветви власти, а также на остальные властные уровни, что поспособствует развитию исследовательских направлений в этой отрасли.

M.E. Karyagin*
**The deputies voting strategies:
what open data says about the work of the State Duma**

Abstract. The article is devoted to revealing features of the Russian State Duma's functioning from the perspective of deputies' behavior strategies. It explores Open Data sources to study the results of individual votes for each of the issues being discussed in the State Duma between 2018 and 2022.

The realization of an 'Open Data' initiative is a part of a state information policy allowing researchers to analyze the functioning of a state apparatus substantially. Its implementation in Russia took place in 2014–2016, while afterward attention to the topic of information transparency decreased and access to the number of already published datasets was limited.

Nevertheless, despite overall paradigm shifts, the transfer toward transparent data partly continues. Open Data of the State Duma allows us to analyze how the lower chamber of a parliament works, how each deputy votes, and what factors (for instance, the COVID pandemic, the Special Military Operation, and external sanctions) affect the decision-making process.

The main goal of the research is to explain why parliamentarians intentionally avoid voting while being at the same time present on a plenary session. According to an initial hypothesis, deputies as rational actors apply it as an individual strategy – abstention presents a 'grey zone' in which they can avoid external accusations of disloyalty or violation of party rules. This assumption is supported by the results of voting themselves alongside observations regarding indirect aspects of the State Duma's functioning.

The second significant goal of this study is to demonstrate Open State Data as a resource that can be successfully studied by researchers and to reveal the potential of the State Duma Open Data particularly that can be used in future research in a respective field.

Keywords: the State Duma; deputies; open data; individual strategies of parliamentarians; coronavirus pandemic.

For citation: Karyagin M.E. The deputies voting strategies: what open data says about the work of the State Duma? *Political science (RU)*. 2023, N 1, P. 303–321. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.01.13>

References

Blais A. The classification of electoral systems. *European journal of political research*. 1988, Vol. 16, N 1, P. 99–110. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.1988.tb00143.x>

---

* **Karyagin Michael**, the Center for Current Policy (Moscow, Russia), e-mail: karyaginm@gmail.com

- Chaisty P. The preponderance and effects of sectoral ties in the State Duma. *Europe-Asia studies*. 2013, Vol. 65, N 4, P. 717–736. DOI: <https://doi.org/10.1080/09668136.2013.767605>
- Crewe E., Taylor-Robinson M.M., Martin S. The present of parliamentary and legislative studies. *Parliamentary affairs*. 2022, Vol. 75, N 4, P. 740–753. DOI: <https://doi.org/10.1093/pa/gnac010>
- Duverger M. Public opinion and political parties in France. *American political science review*. 1952, Vol. 46, N 4, P. 1069–1078. DOI: <https://doi.org/10.2307/1952113>
- Ezhov D.A. Elections of deputies of the state duma of the Russian federation of the eighth convocation: trends and forecasts. *Vlast'*, 2021, N 3, P. 91–93. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i3.8145> (In Russ.)
- Fuks N., Kabanov Y. The Impact of open government on the quality of governance: empirical analysis. In: *Electronic governance and open society: challenges in Eurasia 6th International Conference, EGOSE 2019, St. Petersburg, Russia, November 13–14, 2019. Proceedings*. Cham: Springer, 2020, P. 116–124. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-39296-3>
- Grudin N.S. The approaches of realization effectiveness increasing of the representative function of the Russian federation state duma. *Vestnik of North-Eastern Federal University*. 2013, N 10 (5), P. 118–122. (In Russ.)
- Gandhi J., Noble B., Svolik M. Legislatures and legislative politics without democracy. *Comparative political studies*. 2020, Vol. 53, N 9, 1359–1379. DOI: <https://doi.org/10.1177/0010414020919930>
- Hirschman A.O. *Exit, voice and loyalty*. Moscow: Novoe izdatelstvo, 2009, 156 p. (In Russ.)
- Kabanov Y. Karyagin M. Romanov V. Politics of open data in Russia: regional and municipal perspectives. In: Vinod Kumar T. (eds). *E-democracy for smart cities. Advances in 21st century human settlements*. Singapore: Springer, 2017, P. 461–485. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-10-4035-1_15
- Korguniuk Yu. The party system of modern Russia: the main vector of development. *Current problems of Europe*. 2018, N 2, P. 202–224. (In Russ.)
- Krol G. Legislative performance of the Russian State Duma: the role of parliament in an authoritarian regime. *East European politics*. 2017, Vol. 33, N 4, P. 450–471. DOI: <https://doi.org/10.1080/21599165.2017.1346504>
- Krol G. Parliamentary initiative in authoritarian regimes: power sharing in Eurasian legislatures. *The Journal of legislative studies*. 2020, Vol. 26, N 2, P. 248–274. DOI: <https://doi.org/10.1080/13572334.2020.1738671>
- Kynev A.V. State Duma of the Russian Federation of the VII convocation: between “sleeping potential” and party discipline. *Politeia*. 2017, Vol. 87, N 4, P. 65–81. (In Russ.)
- Lijphart A. The political consequences of electoral laws, 1945–85. *The American political science review*. 1990, Vol. 84, N 2, P. 481–496. DOI: <https://doi.org/10.2307/1963530>
- Meyer M.M. Russian State Duma elections 2016. *Vlast'*, 2016, N 6, P. 29–34. (In Russ.)
- Nisnevich Y.A. State Duma: silent-obedient majority. *Otechestvennye zapiski*. 2007, N 39, 129–138. (In Russ.)

- Petukhov V.V. Elections to the State duma of Russia on the background of the institutional crisis. *Vlast*. 2016, N 7, P. 22–27. (In Russ.)
- Pomiguev I.A. The Council of the State Duma: real veto player or a technical executive? *Polis. Political studies*. 2016, N 2, P. 171–183. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.02.12> (In Russ.)
- Pomiguev I.A., Alekseev D.V. Resetting bills: discontinuity as a political technology for blocking policy decision. *Polis. Political studies*. 2021, N 4, P. 176–191. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.13> (In Russ.)
- Pomiguev I.A., Fomin I.V., Maltsev A.M. Network approach in legislative studies: perspective methods for qualitative and quantitative analysis of parliamentary activity. *Political science (RU)*. 2021, N 4, P. 31–59. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.04.02> (In Russ.)
- Reuter O.J., Turovsky R. Dominant party rule and legislative leadership in authoritarian regimes. *Party politics*. 2014, Vol. 20, N 5, P. 663–674. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354068812448689>
- Riker W.H. The two-party system and Duverger's law: an essay on the history of political science. *American political science review*. 1982, Vol. 76, N 4, P. 753–766. DOI: <https://doi.org/10.2307/1962968>
- Shugart M.S. Comparative executive-legislative relations. In: Rhodes R.A.W., Binder S.A., Rockman B.A. (eds). *The Oxford handbook of political institutions*. New York, NY: Oxford university press, 2008, P. 344–365.
- Truex R. Authoritarian gridlock? Understanding delay in the Chinese legislative system. *Comparative political studies*. 2020, Vol. 53, N 9, P. 1455–1492. DOI: <https://doi.org/10.1177/0010414018758766>
- Wessels B., Finn R.L., Wadhwa K. et al. *Open data and the knowledge society*. Amsterdam: Amsterdam university press, 2017, 204 p. DOI: <https://www.doi.org/10.5117/9789462980181>

Литература на русском языке

- Грудинин Н.С. Пути повышения эффективности реализации представительной функции Государственной Думы Российской Федерации // Вестник Северо-восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – 2013. – № 10 (5). – С. 118–122.
- Ежов Д.А. Выборы депутатов Государственной думы Российской Федерации восьмого созыва: тенденции и прогнозы // Власть. – 2021. – № 3. – С. 91–93. – DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i3.8145>
- Коргунюк Ю.Г. Партийная система современной России: вектор развития // Актуальные вопросы Европы. – 2018. – № 2. – С. 202–224.
- Кынев А.В. Государственная Дума РФ VII созыва: между «спящим потенциалом» и партийной дисциплиной // Полития. – 2017. – № 4. – С. 65–81.
- Мейер М.М. Выборы в Государственную думу в 2016 г. // Власть. – 2016. – № 6. – С. 29–34.

- Нисневич Ю.А.* Государственная Дума: молчаливо-послушное большинство // Отечественные записки. – 2007. – № 39. – С. 129–138.
- Петухов В.В.* Выборы в Государственную Думу России на фоне институционального кризиса // Власть. – 2016. – № 7. – С. 22–27.
- Помигуев И.А.* Совет Государственной Думы: реальный вето-игрок или технический исполнитель? // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 2. – С. 171–183. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.02.12>
- Помигуев И.А., Алексеев Д.В.* Обнуление законопроектов: дисконтинуитет как технология блокирования политических решений // Полис. Политические исследования. – 2021. – № 4. – С. 176–191. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.13>
- Хиришман А.О.* Выход, голос и верность: Реакция на упадок фирм, организаций и государств / пер. с англ. – М.: Новое издательство, 2009. – 156 с.
- Помигуев И.А., Фомин И.В., Мальцев А.М.* Сетевой подход в законодательных исследованиях: перспективные методы качественного и количественного анализа парламентской деятельности // Политическая наука. – 2021. – №. 4. – С. 31–59. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.04.02>